

О ПОНЯТИЯХ «АФОРИЗМ» И «АПОФЕГМА» (к вопросу о разграничении генологических разновидностей малых литературных форм)

Согласно известной классификации академика М.Л. Гаспарова, все «литературные афоризмы» подразделяются на три категории: «гномы или сентенции», «апофегмы (апофтегмы)» и «хрии» [2; 3].

Если понятия «гномы» и «сентенции» можно признать (по крайней мере применительно к античной традиции) тождественными понятию афоризма, то «хрия» в генологической парадигме малых литературных форм совершенно очевидно представляет собой более широкое понятие, чем «афоризм» (аргументацию см. [5]). То же самое можно сказать и в отношении выделенной М.Л. Гаспаровым такой разновидности афоризма, как «апоф(т)егма».

Под «апоф(т)егмами» М.Л. Гаспаров понимает «афористические изречения», которые принадлежат или приписываются определенному автору («вложенные в уста конкретного лица» [3, с. 559]), как правило, из числа известных исторических лиц на основании наличия текстологических источников или согласно слухам (разной степени точности) [2, с. 43]. Ср. (пример М.Л. Гаспарова): *Мудрец Картезий сказал: «Никто не обнимет необъятного».*

Однако по своей структуре «апоф(т)егма» не равна афористическому высказыванию и состоит из изречения в контексте указания на источник (субъект – автора констатации или оценки сообщаемого) и/или характер того знания, которое лежит в основе сообщения говорящего. Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Катон Старший, обличая народ в роскоши и мотовстве, сказал: «Трудно говорить с желудком, у которого нет ушей!»* (Плутарх, «Изречения царей и полководцев», 80, 1); *Дела отважные и великие, говорил он [Гай Юлий Цезарь], нужно делать, а не обдумывать* (там же, 90, 6) и т. п. При этом между «гномами» и «сентенциями», с одной стороны, и «апоф(т)егмами», с другой, устанавливаются отношения функциональной иерархии, ср.: *Никто не обнимет необъятного* («гнома» или «сентенция») ⇒ *Мудрец Картезий сказал: «Никто не обнимет необъятного»* («апоф(т)егма»).

Несмотря на то, что по умолчанию предполагается отсутствие какой бы то ни было «ситуации», она тем не менее имеет место прежде всего потому, что та или иная афористическая реплика воспроизводится не сама по себе, а именно «в контексте», который и репрезентирует тот или иной конкретный фрагмент действительности или речевой акт.

Апоф(т)егмы (в смысле М.Л. Гаспарова) правильнее будет относить к более широкой текстовой форме – так называемым «велеризмам» (<англ. *wellerism*)¹ – композиционным формулам (часто пословичным) типа «Нечто с каз ал некто, ко гда он делал что-то» (более подробно см. [1]). Ср.: «Много визгу и мало шерсти», – сказал черт, когда стриг свинью; «Хочешь жить, умей вертеться», – приговаривал Бог, создавая Землю; польск. *I ja tam chwile filozoficznej zadumy. Staję sobie na moście nad Wisłą, od czasu do czasu spluwam na fale i myślę przy tym: «Panta rei»* (S.E. Lec, «*Myśli nieuczestane*») <др.-греч. *Panta rhei* <*panta kinetai kai ouden menei*> (Гераклит); бел. «Усялякая справа памрабуе іскры божай», – сказаў Герастрат, падпальваючы храм Артэміды (М. Коўзкі, «Доля праўды»). При этом, как замечает А. Тайлор, трехчастная структура велеризма не является обязательной, он может иметь и форму «Нечто с каз ал некто» [6, p. 214–215]. Ср.: Ной: «Спасайся, кто может»; «Хуже не будет», – сказал оптимист; польск. «*Z jednego krzyża można by zrobić dwie szubienice*» – rzekł fachowiec z pogardą (S.E. Lec, «*Myśli nieuczestane*»); бел. «На ўсё талент трэба, – сакатала курыца, – салавей не пяе ў клетцы не таму, што не пяецца, а таму што не кудактаецца» (М. Коўзкі, «Доля праўды») и т. п. Однако на практике, как замечает А. Дандис, «третья часть велеризма обычно присутствует, так как именно она «представляет» первую часть – цитату или пословицу – в новом, и часто юмористическом, свете» [4, с. 16], хотя point может быть заключен и во второй части велеризма, (ср., например, упомянутые выше высказывания «Бога», «Ноя» и «оптимиста»).

Таким образом, можно утверждать, что апоф(т)егма, как и хрия, безусловно относится к более широким, чем афоризм, текстам, близким к таким жанровым разновидностям малых форм словесного творчества, как басня в литературе и анекдот в фольклоре.

¹ От имени одного из героев романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837) слуги Сэма Уэллера (Weller), речь которого пестрит такого рода изречениями, употребляемыми по поводу и без повода.

Литература:

1. *Быкова А.А.* Семиотическая структура велеризмов // Паремиологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 274–293.
2. *Гаспаров М.Л.* Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 43.
3. *Гаспаров М.Л.* Примечания [к “Изречениям царей и полководцев” Плутарха] // Плутарх. Застольные беседы. – Л.: Наука, 1990. – С. 558–566.
4. *Дандис А.* О структуре пословицы // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка: (Структура. Смысл. Текст). – М.: Наука, 1978. – С. 13–43.
5. *Иванов Е.Е.* О двух генеалогических разновидностях малых литературных форм (к разграничению понятий «хрия» и «афоризм») // Куляшоўскія чытанні: Мат-лы Міжнарод. навук. канф. (11–12 снежня 2003 г.): У 2 ч. / Адк. рэд. М.І. Вішнеўскі. – Магілёў: МДУ імя А.А.Куляшова, 2004. – Ч. 2. – С. 270–272.
6. *Taylor A.* The Proverb, and An Index to The Proverb. – Hatboro (Pennsylvania): Folklore Associates, 1962. – XVIII, XLIII, 536 pp.